

**Письменные замечания заявителя
по делу № 50518/18 «Кузнецов против России»**

Факты

1. Заявитель не оспаривает изложение фактов Секретариатом Суда.

2. Однако заявитель хотел бы добавить, что фактически он был задержан 29 мая 2017 г. примерно в 19 часов. Данное обстоятельство не отражено Судом в изложении фактов, подготовленном при коммуницировании рассматриваемой жалобы. При том, что в поданной Суд жалобе на него было указано (см. п. Е.1 на с. 5 формуляра) со ссылкой на приговор, где это зафиксировано на с. 2 (см. с. 15 жалобы, поданной в Суд).

3. Кроме того, заявитель оспаривает изложение фактов властями в их письменных замечаниях в следующих четырех частях, каждой из которых отведено по одному из следующих четырех пунктов настоящих замечаний.

4. «В соответствии с протоколом, который был подписан заявителем, заявитель был проинформирован о его прав[е]... обратиться за юридической помощью» (п. 1 письменных замечаний властей). Власти не указывают, о каком именно протоколе идёт речь. Однако в предшествующем предложении они пишут о личном досмотре. В следующем предложении – просто о досмотре. Но уточняют, что во время этого досмотра «заявитель пояснил, что в кармане его куртки находятся наркотические средства». Согласно протоколу досмотра заявителя, составленному 29 мая 2017 г. в период с 19:40 до 20:20 (далее – протокол личного досмотра), в ответ на предложение «выдать добровольно запрещенные к хранению предметы (оружие, наркотики, боеприпасы)» он «пояснил, то хранит при себе наркотическое средство “соль”, “спайс”», а далее «в ходе досмотра в... кармане куртки были обнаружены два свертка», «внутри каждого из свертков находится вещество» (см. приложение 2 ниже). В материалах уголовного дела заявителя имеется только один другой протокол досмотра – транспортного средства (см. список всех письменных доказательств на с.с. 28—51 приговора – с.с. 41—64

жалобы, поданной в Суд). Этот протокол составлен 30 мая 2017 г. в период с 20:25 до 20:55. Однако в этом протоколе ни куртка, ни карман не упоминаются (см. приложение 3 ниже). Из этого следует, что и в следующем – после оспариваемого заявителем – предложении замечаний властей речь идёт о личном досмотре заявителя, никакой другой разумной интерпретации заявитель не видит. Таким образом, разумно предположить, что и в оспариваемом заявителем предложении речь идёт именно о личном досмотре – о протоколе его личного досмотра. Если это так, то процитированное выше утверждение властей не соответствует протоколу личного досмотра, который приложен к настоящему письменному отзыву. В бланке этого протокола напечатано, что «приглашенным незаинтересованным лицам» разъяснены их права делать заявления и замечания, знакомиться с протоколом и приносить жалобы. В бланке протокола также напечатано, что специалисту разъяснены его права, а также отмечено, что специалист в досмотре не участвовал. Кроме того, в бланке протокола напечатано, что заявителю, имя, фамилия и отчество которого вписаны в этом месте протокола от руки, «разъяснено положение ст. 51 Конституции РФ, в соответствии с которой он не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников», после чего отмечено, что заявитель «от подписи отказался». После этого в бланке протокола напечатано, что «он (она) вправе давать объяснения, заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы, а также пользоваться услугами переводчика». Непосредственно после этого в протоколе располагается вписанное от руки описание хода досмотра: в чём одет заявитель, какое предложение ему сделано, что он на него ответил, что было обнаружено в кармане его куртки. В качестве основания проведения личного досмотра в бланке протокола напечатаны ссылки на ст.ст. 15 и 16 Федерального закона (ФЗ) РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» («Об ОРД») № 144-ФЗ от 12 августа 1995 г. Тексты этих статей в протоколе не воспроизводятся, однако даже если обратиться к ним, то первая из них предусматривает «права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность», а вторая – «социальную и правовую защиту должностных лиц органов,

осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» (см. приложение 1 ниже). Никакого отношения к разъяснению досматриваемому лицу каких бы то ни было прав, в т.ч. права на защитника, эти положения ФЗ «Об ОРД» не имеют. Таким образом, даже через нерасшифрованную отсылку к указанным положениям законов единственный имеющийся в материалах дела заявителя протокол его личного досмотра не содержит никакой информации о том, что он был проинформирован о праве обратиться за юридической помощью. На каком основании власти утверждают обратное, они не указали. Никаких документов в подтверждение своих слов они не представили. Если же условно допустить, что протоколом в процитированном заявителем предложении власти называют протокол задержания заявителя, который действительно был подписан заявителем (в отличие от протокола личного досмотра, который заявитель, вопреки утверждениям властей, если они ведут речь об этом протоколе, заявитель подписывать отказался, о чём в протоколе написано в общей сложности шесть раз) и посредством которого заявитель действительно был проинформирован о его праве обратиться за юридической помощью, то этот протокол задержания был составлен только 31 мая 2017 г. в 21:05 (см. приложение 6 ниже), на что Секретариат Суда указал при изложении фактов настоящего дела при коммуницировании жалобы, и что властями не оспаривалось. Прямо перед этим заявителю отдельным «протоколом объявления подозреваемому права на защиту» было разъяснено это право (см. приложение 5 ниже), как указано в протоколе, заявитель просил обеспечить участие в деле защитника С., при участии которого сразу после этого и был составлен протокол задержания заявителя. Однако рассматриваемая жалоба касается неразъяснения ему права на защиту на протяжении более чем двух суток до этого.

5. «Заявитель воздержался от каких бы то ни было комментариев» (п. 3 замечаний властей). В предшествующем предложении власти указали на то, что были проведены осмотры мест происшествия. А в конце предложения, содержащего оспариваемую фразу, на то, что заявитель отказался подписывать «какие бы то ни было протоколы». Соответственно, заявитель

исходит из единственного представляющегося ему разумным предположения, что в оспариваемой фразе власти ведут речь о том, что заявитель воздержался от каких бы то ни было комментариев в рамках осмотров мест происшествия, во всяком случае, комментариев, которые были занесены в протоколы осмотров мест происшествия. Заявитель оспаривает это утверждение, если «комментарий», про которые пишут власти, это то же самое, что «свидетельства», как он позволит себе перевести слово “statements”, содержащееся в вопросе, заданном Судом сторонам разбирательства при коммуницировании рассматриваемой жалобы. Тем более, что слово именно с этим корнем использовано в ст. 51 Конституции РФ, где закреплено, что «никто не обязан свидетельствовать против себя самого». Заявителем было сделано свидетельство против самого себя в рамках осмотра места происшествия, проведенного 30 мая 2017 г. в период с 5:45 до 6:00, и оно зафиксировано в протоколе этого следственного действия (см. приложение 4). Как указано в этом протоколе, заявителю было «предложено указать на место нахождения наркотического средства, информация о котором сохранена в памяти принадлежащего ему мобильного телефона, на что [заявитель] указал на внутренний угол песочницы, расположенной напротив 2-го подъезда дома № 35 по ул. Строителей г. Бугуруслана, куда он ранее поместил «закладку» с наркотическим средством». Более того, этот протокол сопровождается таблицей иллюстраций, на первой из которых размещена фотография, на которой, согласно подписи, «[заявитель] указывает на угол песочницы, в котором находится сверток с веществом, перемотанный изоляционной лентой черного цвета». Заявитель утверждает, что даже само по себе указание им на угол песочницы – это не что иное как свидетельство, “statement”, в указанном выше смысле. И, соответственно, «комментарий», по смыслу оспариваемого утверждения властей, если именно это они имели в виду. И это тем более свидетельство, если учесть, что к указанию на угол песочницы добавлена – также выглядящая как свидетельство – информация, что туда заявитель «ранее поместил «закладку» с наркотическим средством». Это в полной мере

соответствует практике Суда, который по общему правилу не признаёт свидетельством лишь то, чьё «существование независимо от воли подозреваемого», как, например, образцы дыхания, крови, мочи, волос, голоса, тканей – для целей ДНК-анализа (см. *Saunders v. the United Kingdom*, 17 December 1996, § 69, Reports of Judgments and Decisions 1996-VI; *Jalloh v. Germany* [GC], no. 54810/00, § 112, ECHR 2006-IX). Здесь же следует упомянуть практику Суда, согласно которой свидетельство не обязательно должно быть самоизобличающим, и использования его судом при оценке достоверности показаний заявителя – что имело место и в рассматриваемом случае (см. п. 7 ниже) – достаточно (см. *Farrugia v. Malta*, no. 63041/13, § 118, 4 June 2019). В случае заявителя очевидно, что даже указание им на угол песочницы, где был обнаружен сверток с наркотическими средствами, тем более в ответ на прямо зафиксированное в протоколе предложение указать на место нахождения наркотического средства, уже является ни чем иным как свидетельством, комментарием заявителя в указанных выше смыслах.

б. «Во время судебного разбирательства в суде первой инстанции ни заявитель, ни его защитник не заявили никаких ходатайств против приемлемости явки с повинной, протокола осмотра места происшествия или протокола допроса, не упоминали об отсутствии представителей» (п. 4 замечаний властей). Заявитель исходит из того, что представителями здесь названы защитники, а об отсутствии таковых идёт речь применительно к участию в тех действиях, в рамках которых от него были получены использованные впоследствии свидетельства, поскольку иной разумный смысл высказывания в этой части, которое имело бы значения для рассмотрения Судом настоящей жалобы, не приходит ему в голову. Во-первых, заявитель хотел бы отметить, что он никогда не писал явки с повинной. Именно поэтому она не упоминается в приговоре суда, в чём можно легко убедиться, изучив приложение № 1 к жалобе, поданной в Суд. Заявитель ничего не писал в своей жалобе, поданной в Суд, ни о какой явке с повинной. Суд при коммуницировании жалобы ничего не писал о явке с повинной применительно к заявителю. Напротив, в изложении фактов Судом

прямо указано, что заявитель никогда не признавался в сбыте наркотиков, который и был ему вменен, но признавал лишь незаконное приобретение наркотических средств для собственных нужд, что ему никогда не вменялось. Равным образом заявитель не предъявлял в своей жалобе, поданной в Суд, никаких претензий в отношении использования какого бы то ни было протокола его допроса. Суд при коммуницировании рассматриваемой жалобы также не указывал ни на какой протокол допроса заявителя. И любой протокол его допроса был составлен уже после составления протокола его задержания, в то время как все претензии заявителя касаются невозможности реализации права пользоваться помощью защитника до оформления протокола его задержания. Во-вторых, в приговоре суда первой инстанции прямо указано: «Суд считает необоснованными доводы защитника [И.] о том, что результаты [оперативно-розыскных мероприятий] в отношении [заявителя] должны быть признаны недопустимыми доказательствами по тем основаниям, что... [заявителю]... при проведении личного досмотра [заявителя], досмотра транспортного средства, при осмотрах мест происшествий процессуальные права не разъяснялись, [заявителю] было отказано в приглашении защитника, чем нарушено его право на защиту» (см. с. 59 приговора – на с. 72 жалобы, поданной в Суд). Власти никак не объяснили в своих письменных замечаниях, почему их утверждения не соответствуют даже выводам национального суда. В апелляционной жалобе защитника заявителя прямо указано, что заявитель «был задержан сотрудниками [полиции]... 29 мая в послеобеденное время, после чего был проведен его личный досмотр, досмотр транспортного средства и проведены осмотры мест происшествия, после чего только утром 30 мая 2017 года он был доставлен в [отдел полиции]», «в отношении [заявителя] было нарушено право на защиту, ему было отказано в приглашении защитника, несмотря на то, что [заявитель] заявил о том, что ему необходим адвокат, сразу после задержания», «в результате незаконных действий сотрудников полиции были нарушены права [заявителя], закрепленные в Конституции Российской Федерации», в частности, «статья 48 – каждый задержанный... имеет право

пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента... задержания», «полученные в указанный выше период доказательства виновности [заявителя]... являются... недопустимыми доказательствами, добытыми с нарушением действующего законодательства и не могут быть положены в основу обвинения» (см. с.с. 9—10 апелляционной жалобы – на с.с. 91—92 жалобы, поданной в Суд). Власти не предъявили никаких претензий к аутентичности копий приговора и апелляционной жалобы, представленных заявителем. Они не указали, на каком основании ими сделано оспариваемое утверждение.

7. «Свидетельства против самого себя, данные заявителем при проведении личного досмотра, досмотра транспортного средства и осмотров мест происшествия 29 и 30 мая 2017 года, не были использованы судом первой инстанции, поскольку они были даны до возбуждения уголовного дела. Остальные самоизобличающие показания, которые заявитель дал после того, как уголовное дело было возбуждено, были использованы судом первой инстанции, поскольку они были даны заявителем после того, как ему были разъяснены его права, и были даны в присутствии защитника» (п. 5 замечаний властей). Во-первых, свидетельства заявителя против самого себя, которые были даны во время одного из осмотров места происшествия, которые зафиксированы в его протоколе и о которых написано в п. 5 выше, были прямо использованы судом первой инстанции в форме самого этого протокола допроса, а также показаний сотрудников полиции и понятых, участвовавших в производстве этого следственного действия и рассказавших о свидетельствах заявителя против самого себя, сделанных в ходе этого следственного действия. Так, суд первой инстанции указал в приговоре, что он «критически относится к показаниям [заявителя] о том, что он не раскладывал в тайники-«закладки» наркотические средства, а наоборот забирал их для личного употребления, и считает их несостоятельными», в том числе потому, что «свидетели [Т.] и [К.], которые участвовали в качестве понятых в ходе осмотра мест происшествия, показали о том, что при последнем осмотре места происшествия... [заявитель] добровольно показал

место в песочнице, куда ранее им была помещена «закладка» с наркотическим средством, в результате чего это наркотическое средство было изъято» (см. с. 56 приговора – на с. 69 жалобы, поданной в Суд). Во-вторых, материалы уголовного дела заявителя не содержат никаких самоизобличающих показаний, которые заявитель дал бы после того, как уголовное дело было возбуждено, и которые были бы использованы судом первой инстанции. Заявителю были предъявлены обвинения исключительно в покушении на сбыт наркотических средств. Именно в этом он был признан виновным (см. с.с. 63—64 приговора – на с.с. 76—77 жалобы, поданной в Суд). Как прямо указано в том же приговоре, согласно показаниям заявителя, он «употреблял наркотики и приобретал их для личного употребления, наркотические средства он никогда и никому не сбывал» (см. с. 24 приговора – на с. 37 жалобы, поданной в Суд). В перечне доказательств, на которые сослался суд при постановлении приговора, какие бы то ни было показания заявителя, которые были бы даны в ходе предварительного расследования и оглашены в судебном заседании, не упоминаются (см. с.с. 24—52 – на с.с. 37—65 жалобы, поданной в Суд).

8. Таким образом, заявитель полагает, что, применяя подлежащий применению стандарт доказывания «за пределами разумных сомнений», а также учитывая поведение властей (см. *Ireland v. the United Kingdom judgment of 18 January 1978, Series A no. 25, pp. 64-65, § 161*), которые делают утверждения о фактах, не соответствующие сделанным заявителям и представленным Судом в изложении фактов, без представления каких бы то ни было подтверждающих доказательств и без опровержения таковых, представленных заявителем, следует прийти к выводу, что: заявитель не был проинформирован о праве на защиту протоколом его личного досмотра и в принципе не был проинформирован об этом праве вплоть до разъяснения его ему непосредственно перед составлением 31 мая 2017 г. в 21:05 протокола его задержания, защита заявителя как в заседании суда первой инстанции, так и в апелляционной жалобе заявила о нарушении его права пользоваться помощью защитника в период до составления протокола его задержания и о

недопустимости доказательств, собранных в этот период времени – в связи с нарушением указанного права.

9. Заявитель хотел бы добавить, что в соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ обеспечить участие защитника по назначению может только дознаватель, следователь или суд (см. приложение 1 ниже). Согласно ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ, адвокат обязан исполнять требования об обязательном участии в качестве защитника в уголовном судопроизводстве только по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда (см. там же). Иных случаев обязательного участия в качестве защитника по назначению закон не предусматривает. ФЗ «Об ОРД» даже не упоминает защитника или право на защиту. Протоколы личного досмотра, досмотра транспортного средства и осмотров мест происшествия составлены оперуполномоченным полиции. Ничто не свидетельствует о том, что они составлены этим оперуполномоченным в качестве дознавателя. Тем более, что никакое дознание, являющееся одной из форм предварительного расследования, в отношении заявителя или деяний, вмененных позже заявителю, не проводилось. Расследование по его делу, инициированное впоследствии, проводилось в форме предварительного следствия, что было задано категорией вмененных ему преступлений. Таким образом, оперуполномоченный полиции в принципе не мог обеспечить назначение заявителю защитника, даже если бы тот попросил об этом, в том числе в ответ на разъяснение ему такого права, если бы таковое было разъяснено. И это, по мнению заявителя, косвенно дополнительно свидетельствует о том, что оперуполномоченный полиции не разъяснял ему право на защитника, а также прямо свидетельствует о том, что реализация этого права, во всяком случае в части предоставления защитника по назначению, в любом случае не могла быть обеспечена оперуполномоченным полиции. Когда заявителю в итоге было разъяснено право на защиту и предоставлена возможность реализовать его, всё это было сделано уже следователем (см. приложения 5 и 6 ниже).

Право

Приемлемость жалобы

10. Что касается заявления властей, будто бы целью подачи рассматриваемой жалобы является «сутяжничество», что её подача представляет собой злоупотребление правом на обращение в Суд, по причине чего жалобу следовало бы признать неприемлемой, то, надо полагать, это заявление основано на неявном обвинении заявителя в предоставлении Суду заведомо ложной информации (ср. *Mehdiyev v. Azerbaijan*, no. 59075/09, § 58, 18 June 2015). Поскольку какие бы то ни было другие основания для этого заявления властей даже не приходят заявителю в голову.

11. Названное выше скрытое обвинение заявителя, вероятно, является следствием того, что утверждения заявителя, сформулированные в поданной в Суд жалобе, не соответствуют утверждениям властей, приведенным в их письменных замечаниях и проанализированным в п.п. 4—7 выше. Однако заявитель обосновал свои утверждения, не соответствующие написанному властями, как в поданной в Суд жалобе, так и в настоящих письменных замечаниях – причем с предоставлением копий подтверждающих документов, которые властями, напротив, не предоставлены (при том, что они не заявляют и о подделке заявителем каких бы то ни было представленных им документов).

12. При таких обстоятельствах приведенное выше заявление властей о неприемлемости рассматриваемой жалобы как сутяжнической представляется очевидно необоснованным.

Ответы на вопросы Суда

*Момент начала действия права заявителя
пользоваться помощью защитника*

13. Предусмотренное п. 3 ст. 6 Конвенции право пользоваться помощью защитника начало действовать в отношении заявителя с момента его фактического задержания, что соответствует и разъяснениям

Конституционного Суда РФ о начале действия этого права согласно российскому законодательству (см. *Rodionov v. Russia*, no. 9106/09, § 146, 11 December 2018). Т.е. указанное право начало действовать в отношении заявителя примерно с 19 часов 29 мая 2017 г. (см. п. 2 выше). И власти не привели никаких возражений в отношении момента фактического задержания заявителя.

*Момент разъяснения заявителю его права
пользоваться помощью защитника, задержка в его разъяснении,
требования заявителя пригласить защитника и
отсутствие отказа пользоваться правом на защитника*

14. Однако право пользоваться помощью защитника было разъяснено заявителю только непосредственно перед составлением 31 мая 2017 г. в 21:05 протокола его задержания, когда он смог впервые воспользоваться этим правом (см. п.п. 4 и 8 выше). Следовательно, задержка составила больше 50 часов, в течение которых право заявителя было ограничено (см. *Rodionov v. Russia*, § 159).

15. Более того, защита заявителя заявляла и в суде первой инстанции, и в апелляционных жалобах, основываясь на сообщениях самого заявителя, что он просил пригласить ему защитника, однако ему было в этом отказано (см. п. 6 выше). И в любом случае, отсутствуют какие бы то ни было доказательства того, что заявитель отказался от права на защитника когда бы то ни было при проведении с его участием на протяжении более 10 часов подряд в общей сложности тридцати мероприятий, т.е. двух досмотров и двадцати восьми осмотров мест происшествия, в период с 19:40 29 мая 2017 г., когда, согласно протоколу, начал проводиться личный досмотр, и до 6:00 утра 30 мая 2017 г., когда, по протоколу, завершился последний осмотр (см. приложения 2 и 4 соответственно). И хотя власти не заявляют в своих письменных замечаниях о том, что заявитель отказался от права на защитника, он хотел бы обратить внимание на отсутствие с его стороны такого отказа в связи с тем, что суд первой инстанции в своём приговоре в

ответ на аргументы защиты указал со ссылкой на протоколы досмотров и осмотров мест происшествия, что «каких-либо заявлений, ходатайств об участии в следственных действиях защитника [заявителем] заявлено не было» (см. с. 59 приговора – на с. 72 жалобы, поданной в Суд). Как указывал Суд, вопрос о том, отказался ли заявитель от своих прав, в значительной степени зависит от того, каким образом эти права были ему разъяснены. Отказ от прав не презюмируется. Он должен быть однозначным и сопровождаться минимальными гарантиями. В силу отсутствия доказательств информирования заявителя о праве пользоваться помощью защитника, даже если условно допустить, что он не просил пригласить защитника ни разу в указанный выше период времени, он не может считаться отказавшимся от этого права (см. *Rodionov v. Russia*, §§ 151-154). Здесь же следует отметить, что п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ предусматривает обязательное участие защитника даже в случае, когда подозреваемый просто не отказался от защитника, причем отказ признаётся только в том случае, если он сделан в письменном виде (см. приложение 1 ниже). Это свидетельствует о том, что суд первой инстанции в принципе не считал, что заявитель в рамках проведения с ним в течение более чем 10 часов тридцати различных действий сотрудниками полиции после фактического задержания и без составления протокола задержания, который не будет составлен в течение плюс ещё порядка 40 часов, являлся подозреваемым по смыслу УПК РФ, т.е. лицом, на которое распространялось право пользоваться помощью защитника – предоставление которого являлось обязательным даже в случае просто отсутствия письменного отказа от защитника.

Отсутствие ссылок на веские причины ограничения права пользоваться помощью защитника и обоснования того, что справедливость разбирательства в целом не пострадала

16. При таких обстоятельствах власти должны были доказать, что имели место веские причины, которые оправдывали бы такое ограничение права пользоваться помощью защитника (при том, что российское

законодательство, в его истолковании Конституционным Судом РФ, не предусматривает таких ограничений – как уже отмечал Суд), а также доказать, что справедливость судебного разбирательства по предъявленным заявителю уголовным обвинениям в целом не пострадала, несмотря на такое ограничение (см. *Rodionov v. Russia*, §§ 160-162).

17. Однако власти, в принципе не признавшие, что указанное право было разъяснено заявителю с названной выше задержкой (см. п. 4 выше), и, соответственно, не признавшие само ограничение права заявителя пользоваться помощью защитника, не воспользовались возможностью обосновать всё то, о чём написано в предшествующем пункте, и не только не доказали всё это, но даже не сослались ни на какие веские причины, равно как не попытались обосновать, что справедливость судебного разбирательства по предъявленным заявителю уголовным обвинениям не пострадала, в т.ч. с учетом прямо поставленных Судом при коммуницировании рассматриваемой жалобы вопросов об использовании судом первой инстанции при постановлении приговора доказательств, содержание которых составляли в том числе свидетельства против самого себя, данные заявителем без, до предоставления возможности воспользоваться правом на защитника.

18. Заявитель понимает, что этого достаточно для вывода о том, что в отношении него было допущено нарушение (см. *Rodionov v. Russia*, §§ 161-164). Однако он просит Суд не останавливаться на этом, но довести анализ ситуации на предмет выявления такого рода нарушений до конца. Поскольку он опасается, что в случае, если Суд ограничится этим, как, например, в постановлении комитета по делу *Kuzhil v. Russia*, no. 32702/13, § 37, 25 February 2020, то вероятность исправления этого нарушения на национальном уровне после признания его Судом окажется намного ниже. Возможно, именно скудная мотивировка не позволила добиться возвращения дела на пересмотр заявителю по указанному выше делу *Kuzhil*, если это так (см. п. 9 требований о справедливой компенсации по настоящему делу).

*Содержание свидетельств заявителя против самого себя,
данных без предоставления ему возможности
пользоваться помощью защитника и
использованных судом для обоснования обвинительного приговора и
отсутствие в материалах дела свидетельств против самого себя,
которые были бы даны после предоставления защитника*

19. Соответственно, заявитель просит Суд обратить внимание в своём постановлении на то, что в течение указанных выше 50 часов им были даны свидетельства против самого себя (см. п. 5 выше), которые были прямо и явно использованы судом первой инстанции при обосновании вывода о недостоверности показаний заявителя о том, что он не совершал вменяемые ему преступления (см. п. 7 выше), и которые заявитель никогда не повторял и не подтверждал после предоставления ему возможности воспользоваться помощью защитника (см. там же).

20. Кроме того, во время личного досмотра заявителю было прямо сделано «предложение выдать добровольно... наркотики», в ответ на которое он, согласно протоколу, «пояснил, что хранит при себе наркотическое средство» (см. п. 4 выше). Во время досмотра автомашины заявителя ему, согласно протоколу, было сделано такое же «предложение», на которое он «пояснил, что хранит наркотическое средство в данном автомобиле» (см. приложение 3 ниже). Таким образом, заявитель по меньшей мере засвидетельствовал свою осведомленность о том, что в имеющемся в кармане его куртки свертке находится именно наркотическое средство, а также что ему известно, что и в его автомашине находится наркотическое средство. При этом указанные протоколы досмотров содержали свидетельства заявителя, данные в ответ на прямо поставленные перед ним вопросы («предложения»), зафиксированные в этих же протоколах. Таким образом, это не были добровольные заявления. Это были ответы на заданные вопросы сотрудника полиции, у которого уже имелись подозрения в совершении заявителем преступления. Поэтому речь идёт фактически о допросах без разъяснения права пользоваться помощью защитника (см. *Rodionov v. Russia*, § 166).

21. Несмотря на то, что суд первой инстанции не указывал в своём приговоре, были ли им как-то учтены указанные в предшествующем пункте свидетельства заявителя, они тем не менее фигурируют в приговоре, составляя часть показаний оперуполномоченного А. (см. с. 25 приговора на с. 38 жалобы, поданной в Суд) и понятого Тат. (см. с. 27 приговора на с. 40 жалобы, поданной в Суд). Заявитель не может спекулировать по вопросу о том, какое значение эти его свидетельства могли иметь при постановлении обвинительного приговора, однако тот факт, что они были приведены в приговоре, а следовательно, в принципе могли оказать влияние на суд, имеет место.

22. Также заявитель хотел бы обратить внимание, что в протоколах досмотров и осмотров места происшествия содержатся записи о разъяснении ему права не свидетельствовать против самого себя. Не вдаваясь в вопрос о том, соответствуют ли действительности эти записи в протоколах, которые заявитель отказался подписывать, и в отношении которых защита заявителя указывала в апелляционной жалобе, что разъяснение прав не подтвердили даже понятые во время их допросов в судебном заседании (см. с. 87 жалобы, поданной в Суд), заявитель отмечает, что даже если условно допустить, что ему разъяснялось право на молчание, то это никоим образом не изменяет того обстоятельства, что его свидетельства против самого себя, использованные при постановлении обвинительного приговора, были даны без предоставления ему возможности воспользоваться помощью защитника (см. *Farrugia v. Malta*, § 112).

*Проявившиеся по делу заявителя проблемы
регулируемые российским законодательством
процедуры досудебного разбирательства и
вопросов допустимости полученных в ходе него доказательств, а также
безуспешные попытки защиты заявителя добиться
признания недопустимыми доказательств,
содержание которых составляли
свидетельства заявителя против самого себя*

23. Суд уже признавал, что использование в качестве обвинительного доказательства показаний сотрудников полиции, содержание которых составляли свидетельства заявителя против самого себя, в практическом плане предоставляет собой ровно то же самое, что использование собственно свидетельства заявителя против самого себя, полученного в нарушение его процессуальных прав, и это обстоятельство относится к подлежащей оценке, в соответствии с принципами, сформулированными в постановлении Большой Палаты Суда по делу *Ibrahim and Others*, правовой процедуре, регулирующей досудебное производство и вопросы допустимости доказательств, и к соблюдению этой процедуры (см. *Dimitar Mitev v. Bulgaria*, no. 34779/09, § 67, 8 March 2018). В случае заявителя имело место ровно это: его свидетельства против самого себя были допущены в процесс в формах протоколов досмотров и осмотра места происшествия и показаний – сотрудников полиции и понятых. Заявитель считает, что это один из самых важных аспектов настоящего дела. Поскольку российские суды не видят абсолютно никаких проблем, никаких нарушений прав подсудимых в использовании их свидетельств против самих себя, полученных без предоставления возможности пользоваться помощью защитника – даже когда суды сами признают это, если эти свидетельства облечены в такую процессуальную форму, которая не является специально предназначенной для фиксации таких свидетельств, т.е. не представляет собой явку с повинной или протокол такой явки, объяснения или показания лица, позже ставшего подсудимым. Соответственно, в таких случаях российские суды даже не задаются вопросом о том, были ли подсудимым разъяснены их процессуальные права, в том числе право пользоваться помощью защитника. В частности, это так, когда свидетельства подсудимого против самого себя облечены в форму показаний иных лиц (или протокола их допроса) – что имело место и в отношении заявителя, а также в форму протоколов любых следственных действий, отличных от допроса подозреваемого и обвиняемого, в частности, осмотра места происшествия, что также имело место в отношении заявителя, и иных осмотров, обыска, выемки, проверки показаний

на месте, следственного эксперимента, когда они проводятся с участием лица, позже ставшего подсудимым, равно как в форму протоколов и иного рода документов, фиксирующих ход и результаты оперативно-розыскных мероприятий, как те же протоколы досмотров. Доказательствами и примерами этого служат все те жалобы, которые коммуницированы Судом одновременно с рассматриваемой.

24. Соответственно, хотя защита заявителя прямо указывала, в том числе в апелляционной жалобе, на недопустимость использования свидетельств заявителя против самого себя, облеченных в форму различных доказательств, полученных до предоставления ему возможности пользоваться помощью защитника (см. п. 6 выше), суды отказались признавать их таковыми, возможно, в силу непонимания аргументов защитников, фактически не рассмотрев вопрос о том, были ли нарушены права заявителя (см. там же и ср. *Rodionov v. Russia*, § 167). И заявитель считает важным, чтобы Суд прямо и развернуто высказался о такой распространенной проблемной практике российских судов.

*Значение для постановления обвинительного приговора
свидетельств заявителя против самого себя,
данных без предоставления ему
возможности воспользоваться помощью защитника –
и содержание других доказательств, использованных судом*

25. Наконец, что также чрезвычайно важно и на что заявитель просит Суд обратить внимание в своём постановлении, свидетельства заявителя против самого себя, полученные без предоставления ему возможности воспользоваться помощью защитника, представляли собой важнейшее доказательство обвинения (ср. *Rodionov v. Russia*, § 168).

26. Согласно показаниям оперативных сотрудников полиции, положенных в основу приговора, они наблюдали за заявителем, который «что-то сделал» возле дерева у торца дома № 24 на ул. Промысловой, затем бросил в кусты банку из-под пива около забора, а потом бросил что-то около

столба в районе дома № 6, наконец, сел в автомобиль, после чего и был задержан (см. с. 25 – на с. 38 жалобы, поданной в Суд). Сам факт наблюдения за заявителем сотрудники полиции объяснили тем, что у них имелась «оперативная информация о причастности [заявителя] к незаконному обороту наркотических средств» (см. там же), однако никакая конкретная информация ими не называлась, источники этой информации не зафиксированы ни в одном из документов, положенных в основу приговора суда (см. список всех письменных доказательств на с.с. 28—51 приговора – с.с. 41—64 жалобы, поданной в Суд). У заявителя при себе и в автомашине были обнаружены наркотические средства. Также у заявителя был изъят телефон, в котором, в разделе с редактируемыми черновиками записей, были обнаружены адреса 29 мест, в 28 из которых по результатам проведенных осмотров мест происшествия были обнаружены свертки с наркотическими средствами, аналогичными обнаруженным и изъятым у заявителя и в его автомашине (см. с. 26 приговора – на с. 39 жалобы, поданной в Суд). Места обнаружения трёх тайников-закладок соответствовали тем трём местам, о которых по результатам наблюдения за заявителем дали показания оперативные сотрудники полиции. Суд также сослался на доказательства, подтверждающие значительное число переводов различных сумм на номер телефона, находившийся в пользовании заявителя, в т.ч. с комментариями «за заказ...», «СП...», «legal», «предоплата legal», переводы значительных сумм на банковские карты, доказательства места нахождения телефона в день задержания и того, на какого он зарегистрирован, какие сим-карты использовались (см. с.с. 60—62 и 64 – на с.с. 73—75 и 77 жалобы, поданной в Суд). Остальные доказательства, положенные в основу приговора, представляют собой доказательства, которыми зафиксированы свойства обнаруженных наркотических средств и их упаковок (справки об исследовании, заключения экспертов и постановления о назначении экспертиз), обстоятельства и места обнаружения наркотических средств (протоколы досмотров, осмотров мест происшествия, показания оперативных сотрудников полиции и понятых), а также доказательства, которыми

оформлено проведение оперативно-розыскных мероприятий и их результаты (рапорты, постановление).

27. При этом заявитель утверждал, что он не раскладывал наркотические средства по тайникам, а, напротив, собирал их из тайников, поскольку купил наркотических средств сразу на сумму 10000 рублей для личного употребления, однако продавец сообщил, что они уже разложены по многим тайникам (см. с. 23—24 приговора – на с.с. 36—37 жалобы, поданной в Суд).

28. Признавая эти показания заявитель недостоверными, суд сослался, во-первых, на показания оперативных сотрудников полиции, которые, по их словам, видели, что заявитель, как суд интерпретировал их слова, оборудовал тайники-закладки, адреса которых были обнаружены в телефоне, во-вторых, на показания тех же оперативных сотрудников полиции в части ссылки на наличие некой оперативной информации, как указал суд, «о [заявителе] как о лице, занимающемся сбытом наркотических средств через тайники-«закладки», в связи с чем и проводилось [оперативно-розыскное мероприятие «наблюдение»]» (здесь следует отметить, что, согласно приговору, оперативные сотрудники сообщали о неконкретизированной информации о причастности заявителя к незаконному обороту наркотических средств, к чему относится и приобретение таковых, не вменявшееся ему – см. п. 23 выше), в-третьих, на показания понятых, согласно которым заявитель добровольно показал в песочнице место, куда им ранее была помещена «закладка» с наркотическим средством, в-четвертых, на общую массу изъятого наркотического средства и то обстоятельство, что, согласно заключению эксперта, заявитель не страдает наркоманией, но лишь «обнаруживает признаки пагубного употребления наркотического вещества «спайс», которое не приобрело системного характера» (см. с. 56 приговора – на с. 69 жалобы, поданной в Суд).

29. В связи с этим заявитель хотел бы отметить, что в рамках своей обширной практики по делам о провокациях преступлений Суд многократно признавал, что ссылки оперативных сотрудников на неконкретизированные

оперативные данные, якобы свидетельствующие о причастности заявителей к сбыту наркотических средств, не признаются адекватными источниками информации, которые сами по себе позволяли бы проведение проверочных мероприятий (см., например, *Kuzmina and Others v. Russia*, nos. 66152/14 and 8 others, §§ 98-101, 20 April 2021). По мнению заявителя, это следует учитывать при оценке той совокупности доказательств, на которую сослался суд первой инстанции, признавая недостоверными утверждения заявителя о том, что он не совершал вмененные ему преступления – при том, что эти утверждения, учитывая обстоятельство дела, не противоречат абсолютному большинству доказательств по делу, в т.ч. доказательствам, подтверждающим сам факт обнаружения наркотических средств в тайниках-закладках. Фактически, по мнению самого суда первой инстанции, эти утверждения заявителя опровергаются – кроме его свидетельства против самого себя, данного во время одного из осмотров места происшествия без предоставления возможности воспользоваться помощью защитника – только слова оперативных сотрудников, заинтересованных в числе считающихся раскрытыми преступлений (и здесь стоит обратить внимание на то, что в отношении каждого тайника-закладки они оформили материалы как в отношении отдельного раскрытого ими преступления), а также общая масса наркотических средств и то, что заявитель не признан именно наркоманом, при том, что эксперт прямо сделал вывод об употреблении им именно того средства, которое было обнаружено.

30. При таких обстоятельствах свидетельство заявителя против самого себя, полученное во время осмотра места происшествия без предоставления возможности воспользоваться помощью защитника, представляется важнейшим доказательством, на котором в значительной степени основан приговор.

Вывод

31. На основании изложенного и, в частности, с учетом того факта, что заявитель дал свидетельства против самого себя без предоставления

возможности воспользоваться помощью защитника, а также исходя из применимых принципов, сформулированных Большой Палатой Суда в постановлениях по делам *Ibrahim and Others v. the United Kingdom* ([GC], nos. 50541/08 and 3 others, §§ 255-74, 13 September 2016) и *Beuze v. Belgium* ([GC], no. 71409/10, §§ 119-50, 9 November 2018), заявитель утверждает, что в отношении него был нарушен п. 3(с) ст. 6 Конвенции и разбирательство по предъявленным ему уголовным обвинениям не было справедливым по смыслу ст. 6 Конвенции.

Анищик Олег Олегович

Приложения:

1. Применимое национальное право.
2. Копия протокола личного досмотра заявителя от 29 мая 2017 г.
3. Копия протокола досмотра транспортного средства от 29 мая 2017 г.
4. Копия протокола осмотра места происшествия от 30 мая 2017 г. (проведенного в период с 5:45 до 6:00).
5. Копия протокола объявления подозреваемому права на защиту от 31 мая 2017 г.
6. Копия протокола задержания подозреваемого от 31 мая 2017 г.